

ЭРРА

Издание артели сотрудников и служащих газеты.

Большая литературная и общественно-политическая газета.

Редакция и главная контора—Невскій пр., 78.

Редакторъ принимаетъ отъ 3—4 ч. веч.
Секретарь > > 5—7 ч. веч.

Непринятые рукописи не возвращаются.

ТЕЛЕФОНЫ:

Редакция—440-23.
Кабинетъ редактора—197-90.
Главная контора—1-66.
Телефонъ типографіи—170-06 и
287-66.

№ 9,
Среда,
17 (4) іюля
1918 г.

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСКЪ.

Цѣна 40к.
на станц. н. д.
45 коп.

Сегодня въ номерѣ:

Германія предъявила политико-экономическія требованія.

Архангельскій сов.-деп. объявилъ мобилизацію пяти возрастовъ, возводитъ укрѣпленія и разгружаетъ портъ,—мѣропріятія вызваны опасеніемъ оккупации города союзниками.

Англійскій отрядъ разстрѣлялъ президіумъ Кемснаго исп. комитета.

По офиц. источникамъ, Ярославль горитъ.

Милюковъ по вопросу германской ориентации н.-д. высказался за объединеніе Россіи.

По свѣдѣніямъ нѣмецкихъ га-

зетъ, въ Вологду прибываетъ бывш. англ. посоль въ Россіи Бьюкененъ.

Германцы на Западн. фронтѣ перешли въ наступленіе, пытались создать базу для дальнѣйшаго продвиженія на Парижъ.

По Германскому оффиціальному сообщенію на фронтѣ Марны ожесточенныя контръ-атаки врага. Мѣстные успѣхи юго-западнѣе Реймса.

За истекшія сутки, до 8 час. 17-го Іюля, зарегистрировано—холерныхъ 345, подозрительныхъ по холерѣ 56, остро-желудочныхъ 35 заболѣваній.

„Вишневый садъ“... Россія

(Къ годовщину со дня смерти Чехова)

... Черезъ 100, 200 или 1000 лѣтъ жизнь такъ хорошо устроится...

... Пройдутъ годы... Мы исчезнемъ навсегда... Забудутъ насъ... наши лица—наши голоса... Но наши страданія превратятся въ радости для тѣхъ, которые будутъ жить послѣ насъ...

Никто въ печати такъ и не вспомнилъ въ этомъ году дня 15/2 июня, дня годовщины смерти Чехова.

Вырубленъ «Вишневый Садъ». Со стономъ упали на землю вѣковыя деревья. Въ серебристыхъ аллеяхъ, гдѣ прежде носился тонкій запахъ расцвѣтающей вишни, — теперь угарный запахъ пожара... Разгромлена усадьба, Валюты тлѣющіе остатки «многоуважаемаго шкана»... Стучать гдѣ то вдали топоромъ и «слышится отдаленный, точно съ неба звукъ лопнувшей струны, замирающей, пречальный».

— Музыка играй! привѣтствуетъ Ермолай Лонахинъ грядущую новую жизнь.

Погибшій «вишневый садъ» былъ связанъ съ историческими скорбями и несправедливостями...

Помните, — что говоритъ Петя Трофимовъ мечтательной Анѣ:

— Подумайте, Аня, вашъ дѣдъ, прадѣдъ и всѣ ваши предки были крѣпостники, владѣвшіе живыми душами. Неужели съ каждой вишни въ саду, съ cadaго листика, съ cadaго ствола не глядятъ на васъ человѣчскія существа, неужели вы не слышите голосовъ. О, это ужасно... Садъ вашъ страшенъ и когда вечеромъ или ночью проходимъ по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло, и кажется, вишневые деревья видятъ во снѣ то, что было сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ, — тяжелыя вѣдвнн томать ихъ».

Персонажами «Вишневаго Сада» закончилась галерея «лишнихъ людей».

Если вдуматься въ нѣжныя строки Чехова, мы увидимъ, что Чеховъ давно ужъ предвидѣлъ нашу грядущую гибель, гибель русской интеллигенціи...

Видѣлъ тотъ «великій грѣхъ», который лежитъ на душѣ нашей никчемной интеллигенціи, вѣчно кающейся, вѣчно грызущейся, слабой и безвольной. Въ жилахъ ея течетъ «блѣдная кровь».

Вспомнимъ слова Андрея изъ «Трехъ сестеръ»:

Ботчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, лѣны, равнодушны, бесполезны, несчастны... Геродъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, но ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ... ни од-

ного малю мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть или страстное желаніе подражать ему... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... рѣдятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и, чтобы не ступѣть, отъ скуки разнообразятъ жизнь свою... гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ; жены обманываютъ мужей, а мужья друтъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо, пошлое вліяніе гнететъ дѣтей и искра Божія гаснетъ въ нихъ и они становятся такими же жалкими, похотыми другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери».

Вспомнимъ слова Астрова:

«отъ прежнихъ хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда нѣтъ. Въ общемъ картина постепеннаго и несоизвѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается какихъ нибудь 10—25 лѣтъ, чтобы стать полнымъ. Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь, естественно должна была, уступить мѣсто новой. Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы, — народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго. Въ уѣздѣ тѣ же болѣта, то же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ, вслѣдствіе непосильной борьбы за существованіе, — это вырожденіе отъ косности, отъ невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ — не создано ничего».

Дикарь-мужикъ, пастухъ изъ «Свирильи» и тотъ видитъ близкую гибель «Росси».— Онъ улавливаетъ признаки общаго развала въ убитой природѣ...

— Лѣтъ сорокъ я примѣчаю изъ года въ годъ Божья дѣла и такъ понимаю, что все къ одному клонится — къ худу. Оно, конечно, Божья воля, не нами міръ сотворенъ, а все-таки — жалко. Если одно дерево высохнетъ или, скажемъ, одна корова падетъ, и то жалость беретъ... а каково мнѣ дѣлать, коли весь міръ идетъ прахомъ... Сколько добра, Господи Исусе... и всему этому пронадать надо... Съ каждымъ годомъ все хуже и хуже... Рѣки сохнутъ... И лѣса тоже... И рубятъ ихъ, и горятъ они, и сохнутъ, а новое не растетъ... Что и вырастетъ, то сейчасъ его рубятъ... Сегодня вошло, а завтра, гляди, и срубили люди — такъ безъ конца краю, некуда ничего не останется».

Но Чеховъ сохранялъ душу свою отъ злобы къ мужику —

— Какимъ бы неуклюжимъ зѣремъ не показался мужикъ, или за своею сохою, и какъ бы онъ не дурманелъ себя водкой, все-же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что глазкомъ на землѣ — правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ и поэтому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость. («Моя жизнь»).

Андрей Р.